

Репрессированную музыку реабилитировали

в «Школе драматического искусства»

фестиваль концерт

Фестиваль «Рукописи не горят» (о его начале см. „Ъ“ от 17 декабря) завершился в «Школе драматического искусства» программой «Репрессированная музыка Страны Советов». Не упустила возможность послушать исключительно редко исполняемую музыку ВАРЯ ТУРОВА.

Программа концерта, включавшая музыку Николая Рославца, Александра Мосолова, Сергея Прокофьева, Дмитрия Шостаковича и Александра Веприка, выросла из нескольких проектов фонда «Возвращение», участники которого и играли нынешний концерт. Эта молодежь давно определилась; сделав в своем творчестве явный акцент на музыке XX века, «возвращенцы» уже осуществили

«Ноктюрн для гобоя, арфы, двух альтов и виолончели» Николая Рославца открыл уши всем, кто не знаком с русским музыкальным авангардом
ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

несколько проектов под общим названием «Репрессированная музыка». В этот раз лидеры «Возвращения» скрипач Роман

Минц и гобоист Дмитрий Булгаков представили программу из музыки мэтров, среди которых общепринятое лидерство Сер-

гея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича не показалось таким уж бесспорным. Да, имена Николая Рославца или Александра Веприка куда меньше скажут обывателю, но музыку они писали дивную.

«Ноктюрн для гобоя, арфы, двух альтов и виолончели» Николая Рославца хорош не только чудесной прозрачностью звучания, достигнутой нестандартностью состава исполнителей, но и тем, что мог бы служить отличной приманкой для тех, кто считает музыку, написанную позже Моцарта, какофонией. Даже им «Ноктюрн», скорее всего, покажется приятным, красивым и гармоничным, хотя и нет в нем ни малейших потуг на стилизацию какого-либо из предшествовавших направлений. Это сочетание новизны, свежести и соседствующей с ними гармонии

оказалось свойством всей исполненной в концерте музыки.

Два ноктюрна для фортепиано Александра Мосолова, сыгранные Александром Кобриным, пожалуй, чуть более грубо, чем того хотелось бы, оказались по сравнению с Николаем Рославцом, музыкой не столь легкой для восприятия, но потому еще более интересной. А Четыре прелюдии для скрипки и фортепиано все того же Рославца, исполненные Романом Минцем и Александром Кобриным, так и вовсе заставили удивиться их отсутствию в постоянном скрипичном репертуаре: пьесы и эффектны, и образны, и интересны.

Удивляться по большому счету нечему: Николай Рославец заслуженно считается одним из лидеров русского авангарда. Доказательством его выдающегося

мастерства может служить помимо музыки еще и тот факт, что до так называемой «додекафонной системы композиции», перевернувшей многое в истории музыки XX века, Николай Рославец додумался сам по себе, вне всякой связи с австрийцем Арнольдом Шенбергом, считающимся изобретателем системы. Судьбу Николая Рославца можно назвать одним из самых существенных в музыке разочарований прошлого века. В конце 20-х годов он под давлением Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ) отказался от всех своих убеждений, навсегда уехал из Москвы и музыку писал дальше вполне законопослушную.

Биография Александра Мосолова убедительно демонстрирует, что было бы с Николаем Рославцом, не откажись тот от своих додекафонных «бредней».

Восходящая звезда русской музыки Александр Мосолов уже в 25 лет стал причиной восторженных слухов за границей, вследствие чего его имя исчезло с афиш в Советской России. Дальше — хуже, в 1937 году Александр Мосолов был арестован и отправлен в ГУЛАГ. Его вскоре выпустили: помогли учителя Глиэр и Мясковский, но и нескольких месяцев было вполне достаточно для того, чтобы композитор, что называется, осознал, извинился и искупил.

Жизнь Александра Веприка, чей опус «Сталинстан» был исполнен Московским хоровым театром Бориса Певзнера, могла бы служить отменным материалом для голливудского кино. Все начиналось просто блестяще — учеба в Лейпциге, легендарный Тосканини, дирижирующий его сочинениями в Нью-Йорке, приз-

нание в Европе и, казалось бы, светлое будущее впереди. Будущее настало в 1950-м, когда Александра Веприка отправили в ГУЛАГ. Поруководив там пару лет любительским оркестром, композитор незадолго до смерти Сталина вышел на свободу, и через несколько лет умер, будучи совершенно неинтересным ни России, ни Западу.

Возможно, эти страшные биографии можно и не знать для того, чтобы оценить, насколько интересную музыку писали их обладатели. Можно, наверное, упрекнуть исполнителей в недостаточной точности или аккуратности, но в данном случае сам факт появления на московских афишах имен Николая Рославца, Александра Мосолова и Александра Веприка несравненно важнее. Может быть, справедливость все-таки есть.

Коммерсант - 28.05.2005 - 28 апр. - с. 13

28.05.05